

DOI 10.35775/PSI.2026.127.3.038

УДК 327

М.Д. РУССКИХ

студент магистратуры,
Российский государственный социальный
университет, Россия, г. Москва
E-mail: russkih.gss@gmail.com

БЕЗВИЗОВЫЙ РЕЖИМ РОССИИ И КИТАЯ В 2025-2026 ГГ. КАК ИНСТРУМЕНТ МЯГКОЙ СИЛЫ И УПРАВЛЯЕМОЙ МОБИЛЬНОСТИ

В статье рассматривается визовая либерализация в российско-китайских отношениях в 2025-2026 гг. Объектом исследования выступают российско-китайские отношения в гуманитарном измерении, предметом – безвизовый режим как инструмент мягкой силы, публичной дипломатии и управляемой трансграничной мобильности. Цель статьи состоит в определении политических функций нового безвизового режима и его институциональных ограничений. Методологическую основу исследования составляют институциональный подход, сравнительно-политический анализ, анализ нормативно-правовых актов и официальных статистических материалов. Показано, что решения Пекина и Москвы, принятые в 2025 г., обозначили переход от ограниченного механизма групповых туристических поездок к более широкому формату краткосрочной гуманитарной мобильности. Научная новизна работы заключается в рассмотрении безвизового режима не только как консульского упрощения, но и как элемента символического подтверждения стратегического партнерства и формы селективно регулируемого допуска к трансграничным контактам.

Ключевые слова: Россия, Китай, безвизовый режим, визовая либерализация, мягкая сила, публичная дипломатия, управляемая мобильность, гуманитарное сотрудничество, туризм, российско-китайские отношения.

Введение. По состоянию на 20 марта 2026 г. визовая политика России и Китая действительно перешла в новую фазу. С 15 сентября 2025 г. по 14 сентября 2026 г. Китай ввел для граждан Российской Федерации – владельцев обычных паспортов – односторонний безвизовый режим сроком до 30 дней для деловых поездок, туризма, посещения родственников и друзей, обменных визитов и транзита. С 1 декабря 2025 г. Россия, ссылаясь на принцип взаимности, установила временный порядок безвизового въезда для граждан КНР также на срок до 30 дней: с гостевыми и деловыми целями, в качестве туристов, для участия в научных, культурных, общественно-политических, экономических и спортивных мероприятиях, а также для транзитного проезда. В результате визовая политика стала не только консульским инструментом, но и заметной частью двусторонней гуманитарной повестки [2. С. 1; 5. С. 1; 6. С. 1; 10. С. 1-2; 13. С. 1].

Эти решения выросли из уже действовавшей инфраструктуры взаимных поездок. До 2025 г. безвизовый элемент в российско-китайской мобильности был связан прежде всего с соглашением о групповых туристических поездках от 29 февраля 2000 г., где туристическая группа определена как группа численностью от 5 до 50 человек [9. С. 1]. После возобновления механизма в 2023 г. им, по данным, опубликованным летом 2024 г., воспользовались почти 580 тыс. российских и китайских туристов за период с 1 августа 2023 г. по 1 августа 2024 г. [3. С. 1]. В 2024 г. Россию посетили 1,1 млн путешественников из Китая, размещавшихся в гостиницах, а весной 2025 г. был опубликован обновленный список из 514 российских туристических организаций, допущенных к работе в рамках безвизового обмена на 2025–2026 гг. [1. С. 1; 8. С. 1]. Именно поэтому меры 2025 г. следует рассматривать как следующий шаг, а не как разовое исключение.

В научной литературе тема распределена неравномерно. Т.В. Черевичко рассматривает туризм как инструмент «мягкой силы» и публичной дипломатии [11. С. 214–218]. О.В. Зиневич и Н.В. Селезнева показывают, как менялась китайская стратегия *soft power* после смещения акцента с внешнего культурного продвижения на более сложную связку внешних и внутренних задач [4. С. 36–54]. Юйкунь Чжан и А.А. Керимов анализируют российско-китайские отношения через каналы культурных, образовательных, медийных, спортивных и туристических обменов [12. С. 100–110]. В зарубежной литературе уже есть работы, демонстрирующие, что послепандемийные *visa waiver policies* в отношении Китая статистически связаны с ростом въездной мобильности [17. С. 753–763]. При этом безвизовый режим России и Китая 2025–2026 гг. пока почти не описан как самостоятельный предмет политологического анализа.

Исследовательская проблема статьи состоит в определении политической функции нового безвизового режима. Объект исследования – российско-китайские отношения в гуманитарном измерении; предмет – визовая либерализация 2025–2026 гг. как способ организации трансграничной мобильности, сочетающий расширение каналов межобщественных контактов с сохранением государственно контролируемых условий допуска. Такая постановка вопроса оправдана тем, что оба режима носят временный характер, ограничены сроком действия до 14 сентября 2026 г. и привязаны к перечню допустимых целей въезда и пребывания [2. С. 1; 5. С. 1; 6. С. 1; 10. С. 1–2; 13. С. 1].

Цель статьи состоит в том, чтобы определить, следует ли рассматривать безвизовый режим России и Китая в 2025–2026 гг. исключительно как техническую меру упрощения поездок или как самостоятельный политический механизм производства доверия, символического подтверждения стратегического партнерства и расширения краткосрочных гуманитарных связей. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи: проследить эволюцию визовой либерализации в двусторонних отношениях; выявить политические функции нового режима; определить его значение для гуманитарного и туристического обмена; показать институциональные ограничения действующей модели допуска.

Методологическую основу статьи составляют институциональный подход, сравнительно-политический анализ, анализ нормативно-правовых актов и интерпретация официальной статистики в логике публичной дипломатии. Научная новизна исследования состоит в том, что визовая либерализация рассматривается не как периферийный сюжет консульской практики, а как один из инструментов политического оформления гуманитарной близости между двумя государствами. Рабочая гипотеза заключается в том, что безвизовый режим 2025-2026 гг. одновременно снижает транзакционные барьеры для краткосрочных контактов и сохраняет режим управляемой мобильности, при котором расширение обменов не отменяет, а лишь перенастраивает механизмы государственного контроля.

1. Эволюция визовой либерализации в отношениях России и Китая. Правовая база российско-китайских безвизовых контактов складывалась последовательно. Исходной моделью стал механизм групповых туристических поездок, закрепленный соглашением 2000 г. и рассчитанный на перемещение групп от 5 до 50 человек [9. С. 1]. Этот канал и после 2025 г. продолжает существовать отдельно от нового индивидуального безвиза: обновленный список российских туроператоров вступил в силу 1 мая 2025 г., а поездка по межправительственному соглашению по-прежнему совершается в составе группы и на срок до 15 дней [1. С. 1; 9. С. 1].

После пандемийной паузы механизм группового безвиза вновь заработал в полном объеме. По данным, опубликованным летом 2024 г., за период с 1 августа 2023 г. по 1 августа 2024 г. им воспользовались почти 580 тыс. человек [3. С. 1]. Параллельно рос и общий спрос на поездки: в 2024 г. в российских гостиницах остановились 1,1 млн путешественников из КНР [8. С. 1]. К осени 2025 г. у сторон уже была не временная кампания по оживлению туризма, а достаточно устойчивая база взаимной мобильности.

Новый этап начался осенью 2025 г. Китай ввел с 15 сентября 2025 г. по 14 сентября 2026 г. односторонний безвизовый режим для граждан России – обладателей обычных паспортов – при поездках с деловыми, туристическими, гостевыми, обменными и транзитными целями на срок не более 30 дней [5. С. 1; 6. С. 1; 7. С. 1; 13. С. 1]. Российская сторона, в свою очередь, с 1 декабря 2025 г. установила временный порядок безвизового въезда для граждан КНР сроком до 30 дней по перечню оснований, включающему гостевые и деловые визиты, туризм, научные, культурные, общественно-политические, экономические и спортивные мероприятия, а также транзит [2. С. 1; 10. С. 1-2]. По сравнению с прежней моделью группового обмена новый режим ориентирован уже не на туроператорскую организацию поездки, а на индивидуализированное краткосрочное перемещение обычных граждан.

Китайское решение было частью более широкого постпандемийного смягчения въездной политики. По данным Национального управления иммиграции КНР, в III квартале 2025 г. иностранцы совершили 7,246 млн въездов по безвизовым режимам, что на 48,3% больше, чем годом ранее; безвизовые въезды

составили 72,2% всех въездов иностранных граждан. Россия стала последней страной, добавленной в этот список, а после 15 сентября число российских граждан, въезжавших в Китай, заметно выросло [14. С. 1]. Поэтому российско-китайский безвиз 2025-2026 гг. имеет двойное измерение: для Москвы и Пекина это двусторонний инструмент сближения, а для Китая – часть более широкой линии на управляемое расширение внешней мобильности.

2. Безвизовый режим как инструмент мягкой силы и публичной дипломатии. Безвизовый режим в данном случае нельзя сводить к техническому упрощению поездки. Он меняет условия межобщественных контактов. В российской литературе туризм давно описывается как инструмент «мягкой силы» и публичной дипломатии, создающий привлекательность государства через личный опыт пребывания, культурное соприкосновение и снижение социальной дистанции [11. С. 214-218]. Исследования китайской «мягкой силы» показывают, что ее ресурсная база связана не только с государственной пропагандой, но и с культурой, языком, образованием, имиджем страны и повседневными каналами коммуникации [4. С. 36-54]. Для российско-китайского контекста это особенно существенно: специальные работы по двусторонним отношениям демонстрируют, что «мягкая сила» здесь реализуется прежде всего через культурные, образовательные, медийные, спортивные и туристические обмены [12. С. 100-110]. Визовая либерализация расширяет именно те каналы взаимодействия, которые литература уже рассматривает как основные инструменты гуманитарного влияния.

Международная эмпирическая литература подтверждает, что визовые послабления оказывают не только символическое, но и вполне измеримое воздействие на мобильность. Исследование С. Zheng, X. Sun и S. Wandelt на материале Китая показывает, что *post-pandemic visa waiver policies* (политики временных отступлений от норм, принятые в разных странах в период после пандемии COVID-19 для смягчения последствий кризиса в различных сферах) способствуют восстановлению въездного потока [17. С. 753-763]. Более широкий сравнительный анализ J. Rosselló и M. Santana-Gallego демонстрирует, что характер визового режима существенно влияет на международные туристические потоки, а традиционные визовые барьеры сдерживают их заметнее, чем более гибкие механизмы допуска [16. С. 1-10]. Для российско-китайского случая отсюда следует важный вывод: безвиз 2025-2026 гг. представляет собой не только дипломатический жест, но и институт, способный реально увеличить плотность перемещений и частоту непосредственных контактов между обществами.

Вместе с тем безвизовый режим не означает отказа государства от контроля за трансграничным перемещением. Ф. Мегре рассматривает *travel visa* как фундаментальную юридическую инфраструктуру глобальной мобильности и выражение государственной дискреции в вопросе допуска через границу [15. С. 1265-1289]. В российско-китайском случае эта логика сохраняется и после формальной отмены визы. Китайская сторона прямо указывает, что органы пограничного контроля вправе проверять цель въезда, а в случае ее несоответствия

условиям безвизового режима либо наличия законных оснований для запрета могут отказать во въезде; заявителям рекомендуется иметь при себе приглашение, авиабилеты и бронирование жилья, а сам режим не распространяется на поездки для работы, учебы, журналистики и аналогичных целей [6. С. 1; 7. С. 1]. Российский временный порядок, в свою очередь, также закрепляет закрытый перечень оснований въезда и срок пребывания не более 30 дней [2. С. 1; 10. С. 1-2].

Именно здесь проявляется политическая специфика нового режима. Он не снимает границу как институт, а меняет порядок доступа через нее. Часть отбора переносится с консульского этапа на пограничный контроль и последующее миграционное администрирование. Поэтому российско-китайский безвиз точнее описывать не как «открытие границ», а как форму управляемой мобильности, в которой расширение обменов сочетается с сохранением инструментов селективного допуска [2. С. 1; 5. С. 1; 6. С. 1; 7. С. 1; 10. С. 1-2; 13. С. 1; 15. С. 1265-1289].

3. Политические эффекты и ограничения безвизового режима в 2025-2026 гг. Первый эффект нового режима связан с тем, что он ложится на уже сформированный спрос на взаимные поездки. В 2024 г. в российских гостиницах остановились 1,1 млн путешественников из КНР; кроме того, к весне 2025 г. уже был обновлен список российских туроператоров, работающих в рамках группового безвизового механизма [1. С. 1; 8. С. 1]. Поэтому безвиз 2025-2026 гг. не создавал мобильность с нуля, а снижал барьеры там, где поток уже был заметным и институционально оформленным.

Второй эффект связан с изменением самого формата контактов. Механизм 2000 г. был завязан на туристическую группу и посредничество туроператора. Новый режим распространяется на индивидуальные краткосрочные поездки с деловыми, гостевыми, туристическими, обменными и транзитными целями [2. С. 1; 5. С. 1; 6. С. 1; 7. С. 1; 9. С. 1; 10. С. 1-2; 13. С. 1]. Для двусторонних отношений это важно не меньше, чем рост статистики: расширяется круг потенциальных участников обмена, а доступ к поездке перестает зависеть от включения человека в заранее сформированную группу.

Третий эффект фиксируется на китайской стороне. Официальная статистика КНР за III квартал 2025 г. показывает ускорение роста безвизовых въездов иностранцев, а Россия уже названа последней страной, добавленной в расширяющийся безвизовый список [14. С. 1]. Эти сведения сами по себе еще не позволяют окончательно оценить долговременную траекторию именно российско-китайского потока, однако дают достаточное основание для осторожного вывода о быстром первичном эффекте либерализации: новый режим начал работать как заметный фактор входящей мобильности уже в первые недели после запуска.

Не менее важен символично-дипломатический эффект. Китайская сторона прямо связала введение режима с задачей облегчения поездок граждан России и расширения контактов между людьми [5. С. 1; 6. С. 1; 13. С. 1]. Российская сторона оформила собственное решение как меру, основанную на принципе взаимности [2. С. 1; 10. С. 1-2]. В политическом смысле это означает, что безвизовый режим функционирует не только как сервис для туриста или бизнес-путешественника.

Он выступает публичным сигналом о допустимости более тесного и регулярного повседневного взаимодействия между обществами.

Однако пределы режима не менее значимы, чем его позитивные эффекты. По состоянию на 20 марта 2026 г. и китайское, и российское решения сохраняют временный характер и ограничены датой 14 сентября 2026 г. [2. С. 1; 5. С. 1; 6. С. 1; 10. С. 1-2; 13. С. 1]. Китайская сторона подчеркивает, что тем, кто не соответствует условиям безвизового въезда, необходимо заранее оформлять визу, а проверка цели поездки и иных условий допуска осуществляется уже на границе [6. С. 1; 7. С. 1]. Российский временный порядок также сохраняет жесткую привязку к перечню разрешенных оснований въезда и 30-дневному сроку пребывания [2. С. 1; 10. С. 1-2].

Из этого следует, что безвизовый режим 2025-2026 гг. не устраняет административную селекцию, а переводит ее в иную форму. Он расширяет каналы взаимодействия, но не отменяет миграционного контроля как такового. Поэтому точнее говорить о частичной и обратимой либерализации, а не о полном демонтаже визово-миграционного барьера. Именно эта двойственность – сочетание облегчения поездок и сохранения государственного усмотрения – делает российско-китайский безвиз особенно показательным для политологического анализа [2. С. 1; 6. С. 1; 7. С. 1; 10. С. 1-2; 15. С. 1265-1289].

Заключение. Безвизовый режим России и Китая 2025-2026 гг. логично рассматривать как итог предыдущего этапа двустороннего сближения, а не как его отправную точку. Возобновление групповых безвизовых поездок, рост спроса на взаимную мобильность, увеличение числа китайских путешественников в России и обновление списка туроператоров создали основу для перехода к более широкому режиму краткосрочных поездок [1. С. 1; 3. С. 1; 8. С. 1; 9. С. 1]. На этом фоне решения Пекина и Москвы 2025 г. означали качественное изменение всей модели контактов: прежний групповой формат был дополнен 30-дневным безвизовым режимом для более широкого круга деловых, гостевых, туристических, обменных и транзитных поездок [2. С. 1; 5. С. 1; 6. С. 1; 10. С. 1-2; 13. С. 1].

Политическое значение нового режима выходит за пределы туризма в узком смысле. Литература по мягкой силе и публичной дипломатии показывает, что именно культурные, образовательные и туристические обмены создают устойчивую социальную основу внешнеполитического влияния, а изменения визового режима прямо отражаются на масштабах международной мобильности [4. С. 36-54; 11. С. 214-218; 12. С. 100-110; 15. С. 1265-1289; 16. С. 1-10; 17. С. 753-763]. В российско-китайском случае безвиз 2025-2026 гг. одновременно снижает транзакционные издержки поездки, расширяет плотность межобщественных контактов и переводит риторику стратегического партнерства в повседневную практику.

Вместе с тем оснований говорить о полном снятии барьеров нет. И китайская, и российская стороны сохранили временный характер режима, закрытый перечень допустимых целей въезда и право пограничного контроля проверять условия допуска [2. С. 1; 5. С. 1; 6. С. 1; 7. С. 1; 10. С. 1-2; 13. С. 1]. Иначе говоря, визовая

либерализация в данном случае не устраняет государственный контроль, а переводит его в иную форму. Основная гипотеза статьи подтверждается: безвизовый режим России и Китая в 2025-2026 гг. выступает одновременно инструментом мягкой силы, механизмом публичной дипломатии и формой управляемой трансграничной мобильности. Его дальнейшее значение будет зависеть от того, получит ли временный режим продолжение после 14 сентября 2026 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. В Китай – по спискам // TTG Russia. 28.04.2025 // <https://www.ttg-russia.ru/news/v-kitay-po-spiskam.html> (дата обращения: 27.03.2026).
2. До 14 сентября 2026 г. включительно установлен безвизовый въезд в РФ для граждан КНР // КонсультантПлюс. 01.12.2025 // <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/91740.html> (дата обращения: 27.03.2026).
3. За год 580 000 туристов из РФ и КНР совершили групповые безвизовые поездки // Ведомости. 01.08.2024 // <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2024/08/01/1053373-sovershili-grupповie-bezvizovie> (дата обращения: 27.03.2026).
4. **Зиневич О.В., Селезнева Н.В.** Новая стратегия «мягкой силы» Китая // Вестник МГИМО-Университета. 2022. Т. 15, № 6. С. 36-54. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-6-87-36-54 // <https://doaj.org/article/1abfd37458bc43eeb3e51efb1b60d993> (дата обращения: 27.03.2026).
5. «Информация» МИД России от 03.09.2025 «О введении китайскими властями безвизового режима въезда для российских граждан на срок до 30 дней» // КонсультантПлюс // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_513772/ (дата обращения: 27.03.2026).
6. Объявление о введении безвизового режима для российских граждан // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации. 02.09.2025 // https://ru.china-embassy.gov.cn/rus/lsw_143010/zytz_142816/202509/t20250902_11700421.htm (дата обращения: 27.03.2026).
7. Ответы на часто задаваемые вопросы об одностороннем безвизовом режиме для граждан РФ // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации. 01.10.2025 // https://ru.china-embassy.gov.cn/rus/lsw_143010/lsw_142817/khp/202510/t20251001_11722289.htm (дата обращения: 27.03.2026).
8. Свыше 1 млн туристов из Китая посетили Россию в 2024 году // Finam.ru. 19.05.2025 // <https://www.finam.ru/publications/item/svyshe-1-mln-turistov-iz-kitaya-posetili-rossiyu-v-2024-godu-20250519-1827/> (дата обращения: 27.03.2026).
9. «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о безвизовых групповых туристических поездках» (заключено в г. Москве 29.02.2000) (ред.

- от 17.11.2006) // КонсультантПлюс // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125123/ (дата обращения: 27.03.2026).
10. Указ Президента РФ от 01.12.2025 № 872 «О временном порядке въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации граждан Китайской Народной Республики» // КонсультантПлюс // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_520237/ (дата обращения: 27.03.2026).
11. **Черевичко Т.В.** Туризм как инструмент «мягкой силы» международной политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 214-218. DOI: 10.18500/1819-4907-2022-22-2-214-218 // <https://imo.sgu.ru/ru/articles/turizm-kak-instrument-myagkoj-sily-mezhdunarodnoy-politiki> (дата обращения: 27.03.2026).
12. **Юйкунь Чжан, Керимов А.А.** «Мягкая сила» во взаимоотношениях Китая и России: направления и механизмы реализации // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2024. Т. 47. С. 100-110. DOI: 10.26516/2073-3380.2024.47.100 // <https://izvestiapolit.isu.ru/ru/article/file?id=2038> (дата обращения: 27.03.2026).
13. China to trial visa-free policy for Russian citizens // The State Council of the People's Republic of China. 02.09.2025 // https://english.www.gov.cn/news/202509/02/content_WS68b6ce1ac6d0868f4e8f5437.html (дата обращения: 27.03.2026).
14. Expanded visa-free access fuels surge in foreign entries // The State Council of the People's Republic of China. 17.10.2025 // https://english.www.gov.cn/news/202510/17/content_WS68f18d4ec6d00ca5f9a06db6.html (дата обращения: 27.03.2026).
15. Mégret F. The Travel Visa as the Ubiquitous Legal Infrastructure of Everyday Global Mobility Arbitrariness // German Law Journal. 2024. Vol. 25, Special Issue 8. P. 1265-1289. DOI: 10.1017/glj.2024.72 // <https://www.cambridge.org/core/journals/german-law-journal/article/travel-visa-as-the-ubiquitous-legal-infrastructure-of-everyday-global-mobility-arbitrariness/5D75684270AD0D40552EAB011BB36E94> (дата обращения: 27.03.2026).
16. **Rosselló J., Santana-Gallego M.** The effect of visa types on international tourism // Economic Modelling. 2024. Vol. 137. P. 1-10. DOI: 10.1016/j.econmod.2024.106757 // <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0264999324001135> (дата обращения: 27.03.2026).
17. **Zheng C., Sun X., Wandelt S.** On the success of visa waiver policies: Post-pandemic evidence from China // Transport Policy. 2025. Vol. 171. P. 753-763. DOI: 10.1016/j.tranpol.2025.06.002 // <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0967070X25002215> (дата обращения: 27.03.2026).

M.D. RUSSKIKH

Master's student, Russian State Social
University, Moscow, Russia

VISA-FREE REGIME BETWEEN RUSSIA AND CHINA IN 2025-2026 AS AN INSTRUMENT OF SOFT POWER AND MANAGED MOBILITY

The article examines visa liberalization in Russia-China relations in 2025-2026. The object of the study is the humanitarian dimension of bilateral relations, while its subject is the visa-free regime as an instrument of soft power, public diplomacy, and managed cross-border mobility. The purpose of the article is to determine the political functions of the new visa arrangements and their institutional limits. The methodological framework combines an institutional approach, comparative political analysis, and the study of legal acts and official statistical materials. The article shows that the decisions adopted by Beijing and Moscow in 2025 marked a transition from a limited mechanism of group tourist travel to a broader format of short-term humanitarian mobility. The novelty of the study lies in treating visa liberalization not merely as a consular simplification, but as an element of symbolic confirmation of strategic partnership and as a selective form of administratively regulated cross-border access.

Key words: Russia, China, visa-free regime, visa liberalization, soft power, public diplomacy, managed mobility, humanitarian cooperation, tourism, Russia-China relations.